

Спереди и сзади люди обнимались и передавали друг другу салфетки. Лишь члены семьи Ли сидели неподвижно, ярко выделяясь на фоне плачущих зрителей, из-за чего сотрудники кинозала невольно бросали на них любопытствующие взгляды.

Старик Ли, видя неловкость собственных детей, и сам чувствовал себя неудобно, пока в следующий миг не повернулся к Ли Сяньфу — и его лицо мгновенно окаменело.

В приглушенном свете Ли Сяньфу сидел вполоборота, закинув руку на плечо Цинь Цзинь. Опустив головы, они о чем-то шептались, так что со стороны казалось, будто они рыдают в обнимку.

Старик Ли хлопбыснул Ли Сяньфу шершавой ладонью по спине.

Ли Сяньфу совладал с чувствами, обернулся — и внезапно столкнулся с убийственным взглядом.

Окинув взором сидящих вокруг детей, обнимавших своих родителей, Старик Ли уставился прямо на Ли Сяньфу, все еще сохранявшего с Цинь Цзинь позу «плачущих в обнимку», и холодно спросил:

— Ты что, отцом ошибся?

— ...

Мысли в человеческой голове проносятся стремительно.

Меньше чем за три секунды в голове Ли Сяньфу всплыли три варианта: притвориться, будто уснул во время сеанса и сейчас лунатит; заявить прямо на месте, что отцом он не ошибся и Цинь Цзинь — его крестный; переключить внимание, распахнув объятия Ли Шаша со словами «иди к папочке».

Какой бы вариант он ни выбрал, он выглядел бы полнейшим идиотом.

В итоге он выдал корявый, но формально разумный предлог:

— Я помогал ему прихлопнуть комара.

— И от этого у тебя глаза покраснели?

— ...

Старик Ли:

— Неужто брызнувшая комариная кровь в глаз попала?

Ли Сяньфу лишился дара речи.

Фильм окончательно закончился, и освещение в зале вспыхнуло полной яркостью. От резкого света глаза невольно прищурились, и Ли Сяньфу отвернулся, избегая бьющих сбоку лучей.

Ли Шаша тихонько подбодрил:

— Папа, не беги от реальности.

Подумаешь, застали с поличным. Каких только штормов они не переживали в прошлом.

Ли Сяньфу одарил его глубоким взглядом, а на губах его мелькнула странная ухмылка. Жаль, связь в кинозале была скверная, так что заказать целый ворох сборников «Задач 5-3» он сможет только снаружи — чтобы восполнить пробелы в школьной программе сына.

Зал залит ярким светом, отчетливо озарившим лицо Цинь Цзинь.

— Нашел себе такого молодого «папочку», — произнес Старик Ли со смешком, не доходящим до глаз. — Похоже, в твоих глазах я еще совсем юн.

К этому моменту Ли Сяньфу не мог не понять, что Старик Ли просто подшучивает над ним.

На выручку пришел Ли Сичунь, умело переведя тему на самого Цинь Цзинь:

— Господин Цинь, какая неожиданность. Не думал встретить вас здесь.

Осмотревшись вокруг, Ли Сичунь изменился в лице:

— Вот только семейные мероприятия вам как-то не подходят.

Вокруг хватало зрителей, рыдавших навзрыд. Человеческие эмоции вообще удивительны: какими бы глубокими ни были сиюминутные чувства, они ничуть не мешают устроить скандал или драку сразу за дверями кинотеатра.

Цинь Цзинь бросил взгляд на седого старика, которого неподалеку обнимал сын, и спокойно ответил:

— Мероприятие весьма интересное.

Впереди сотрудник громко напомнил всем собрать вещи и сесть в группы у выхода для следующего этапа.

Семейное мероприятие не имело жестких ограничений: любой гость курорта мог присоединиться или уйти в любой момент, включая Цинь Цзинь.

Посещали это место в основном люди обеспеченные. Супружеская пара с ребенком как раз подходила к дверям, когда жена толкнула мужа в локоть:

— Смотри, это ведь Цинь Цзинь?

Муж взглянул:

— И правда он.

Переведя взгляд на Ли Шаша и Ли Сичунь и вспомнив недавние слухи, он про себя изумился нравам высшего общества.

Жена шепотом добавила:

— И это еще не все. Цинь Цзинь вошел уже после начала фильма, я всё время присматривалась...

Муж вскинул бровь и хмыкнул.

Жена смущенно кашлянула. О Цинь Цзинь ходило слишком много легенд, так что пропустить такую знаменитость она не могла:

— Цинь Цзинь и Ли Сянфу держались действительно очень близко, в какой-то момент их лица были почти вплотную.

Услышав это, муж обернулся. Старик Ли с мрачным видом смотрел на двоих в заднем ряду — казалось, там и впрямь творилось нечто непристойное, готовое вот-вот вылиться в семейную войну.

— Да уж, ну и устои в этом их кругу.

...Впрочем, народ их судил не зря.

Запятнавшие репутацию элиты герои все еще пребывали в состоянии немого противостояния, пока Ли Сянфу снова не вытащил Ли Шаша. С самым невинным видом мальчик сказал Старика Ли:

— Дедушка, там люди только что насмеялись над нами.

Старик Ли бросил туда строгий взгляд, и супруги поспешно отвели глаза, уходя прочь вместе с ребенком.

Ли Аньцин, уже стоявший на лестнице, заметил:

— Не стоит выносить сор из избы.

Старик Ли тут же вспыхнул:

— Какой еще сор?!

— Тогда из-за чего вы гневаетесь?

Эта брошенная вскользь фраза мигом лишила Старика Ли аргументов.

Тяжелые двери распахнулись, подарив ощущение возвращения к свету. Те, кто только что рыдал навзрыд в темноте зала, выйдя наружу, лишь молча и неловко переглядывались.

Члены семьи Ли и сами выглядели белыми воронами: за их спинами возвышались витрины с керамическими изделиями, а теперь к ним добавился Цинь Цзинь со своей мрачной аурой. Чередование керамических кукол с неестественно яркими улыбками и группы людей с абсолютно каменными лицами создавало зловещую, загробную атмосферу.

Изо всех сил стараясь не замечать этой картины, ведущий сотрудник хлопнул в ладоши и произнес максимально умиротворяющим тоном:

— Далее нас ждет мастер-класс по гончарному делу! Пожалуйста, разбейтесь на группы по два-три человека.

Гончарный класс был просторным. Двое мастеров кратко объяснили основные правила работы на гончарном круге и предоставили всем свободу творчества.

Ли Сянфу и Цинь Цзинь сели друг напротив друга. Ли Шаша, как третья сторона, уже собирался пододвинуть стул, но его окликнул Старик Ли:

— Шаша, что ты хочешь слепить? Дедушка побудет с тобой.

Очевидно, он не хотел, чтобы Ли Шаша слишком много общался с Цинь Цзинь.

Лепка из глины — процесс куда менее тихий, чем просмотр кино. По крайней мере, перед началом работы большинству семей приходилось обсуждать, что именно они собираются делать.

Глина уже лежала на гончарных кругах. Ли Сяньфу помедлил, затем повыше засучил рукава, чтобы случайно не испачкаться. Из-за того что он годами носил длинные рукава, его кожа была фарфорово-белой, а синеватые венки под солнечным светом выглядели невероятно тонкими и хрупкими.

Поправляя стул, он слегка поджал длинные пальцы, принимая удобную позу.

И его кожа, и сами кисти рук легко затмили бы любое изысканное произведение искусства. Взгляд Цинь Цзинь невольно задержался на них на пару секунд и лишь тогда, когда Ли Сяньфу закончил приготовления и подсознательно посмотрел на него, незаметно скользнул в сторону.

Ли Сяньфу слегка опустил голову, делая вид, будто обдумывает эскиз, но когда заговорил, его голос звучал очень тихо на фоне витавшего вокруг веселого гомона.

— Насколько хорошо ты знаком с тем голосом, что тебя изнуряет?

Цинь Цзинь ровным тоном ответил:

— Космический мусор.

Этим коротким ответом он дал понять, что знает всё. Ли Сяньфу удивленно посмотрел на него: ведь сам он узнал этот термин совсем недавно.

— Поскольку на следующий день воспоминания полностью стирались, тот ночной голос без малейших опасений раскрывал мне правду, — устремив взгляд на глину перед собой, спокойным тоном произнес Цинь Цзинь. — Словно заговорщик, создающий арт-объект и жаждущий, чтобы другие оценили каждую деталь, достойную внимания.

Ли Сяньфу осознал еще одну деталь, упущенную из виду: Система Цинь Цзяюй обладала функцией стирания памяти. Его собственная амнезия в прошлом могла быть связана с кристаллом, который был вживлен в его голову, а затем извлечен.

Впрочем, раз тот кристалл давно смыли в унитаз, продолжать расследование не имело смысла.

— «Космический мусор» — это научное название, а «Система» — сценический псевдоним.

Должно быть, от такого сравнения уголок губ Цинь Цзинь слегка дернулся.

Ли Сяньфу перешел к главному:

— Если Цинь Цзяюй откажется от возможностей, предоставляемых Системой, их путям придется разойтись.

Выражение лица Цинь Цзинь на миг изменилось, но его эмоции всегда было трудно уловить, да и в голосе не прозвучало особого волнения:

— Ты хочешь подстроить всё так, чтобы ее Система совершила ложную оценку, и Цинь Цзяюй была вынуждена отказаться.

Ли Сяньфу кивнул.

Цинь Цзинь всегда смотрел на вещи предельно проницательно:

— Для реализации этого метода нужно одно условие: предложенные варианты не подлежат отмене или изменению.

Ли Сяньфу:

— Что касается этого, я уже уточнил у Шаша.

Когда Система дает четкую директиву, это равносильно выдаче задания: ее нельзя отозвать или изменить, не говоря уже о том, что эта Система повреждена.

Ли Сяньфу хотел сказать что-то еще, но телефон в его кармане непрерывно затарахтел от вибрации, заставив его проглотить оставшиеся слова. Вымыв руки и глянув на экран, он увидел пропущенный звонок от Старика Ли, а следом — текстовое сообщение:

[Уведи его.]

<http://bllate.org/book/18300/1757224>